

смотрении». ¹⁸ История же показывает нам «самые тонкие проявления добродетели», ¹⁹ она способна своими образами прошлого или «картинами» вызывать наиболее сильные и упорные эмоции («аффекты памяти»), ибо эти картины истинны. Сознвая добродетель, хотя бы в образах далекого прошлого, человек чувствует «особое удовольствие» и таким образом совершенствуется. Ни философия, ни поэзия не способны по силе воздействия и последствиям сравниться с историей.

С середины 90-х гг. XVIII в. Карамзин стоит перед мучительным выбором: «поэзия или история?» ²⁰ Возобладал интерес к истории, что явилось важным итогом кризиса просветительской идеологии, последовавшего за «ужасными происшествиями Европы». И на этом пути Карамзин находил опору в суждениях Юма об особом, ни с чем не сравнимом, этическом смысле истории.

Своеобразным панегириком истории воспринимается эссе Юма «Об изучении истории», где он пишет о достоинствах и преимуществах истории перед другими науками, выделяя главное: история «знакомит нас с человеческими делами, ни в коей мере не скрывая самых тонких проявлений добродетели. И говоря по правде, я не знаю другого такого исследования или занятия, которое было бы столь же безупречно в данном отношении, как история». ²¹ Историк как бы стоит над обществом, он лично не заинтересован «в том, чтобы исказить свои суждения», и поэтому всегда представляет добродетель и порок «в истинном свете». Если даже человек в одном лице совмещает политика и историка (как, например, Макиавелли), то в его сочинении отчетливо различимы обе эти позиции, причем позиция историка, отражающая его «резкое негодование по поводу порока и <...> горячее одобрение добродетели», продиктована природой. ²² Здесь нельзя не вспомнить ту роль «правдолюбца», отнюдь не безопасную, которую принял на себя историограф Карамзин в отношениях с Александром I, в их царскосельских разговорах «с глазу на глаз». ²³

¹⁸ Там же. С. 625.

¹⁹ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

²⁰ Ср.: письмо к П. А. Вяземскому (1796) г.: «...лучше читать Юма, Гельвеция, Мабли, нежели в томных элегиях жаловаться на холодность или непостоянство красавицу». Характерно, что путь Карамзина к окончательному выбору пролегал через философию: «...скоро бедная Муза моя или пойдет совсем в отставку, или <...> будет перекладывать в стихи Кантову Метафизику с Платоновой Республикою». — Русский архив. СПб., 1872. Стб. 1323—1327.

²¹ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

²² Там же.

²³ Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983. С. 113—117.